

Розовые страницы

Лежа на чужом жестком диване, под законный фолк-рок сентябрьского дождя Дашка доедала сникерс. Слезы текли не переставая уже давно — поневоле приходилось глотать их тоже, и солоноватая сникерсовая карамель казалась отвратительно пересоленной.

Почему-то вспоминалась вонючая серая рыба на щербатых тарелках, которую часто подавали в школьной столовой, и небрежно плюхнутое возле озерцо жидкого пюре с островами-комочками.

В столовой Дашка честно пыталась обедать с одноклассниками — быть включенной в систему, как повторял ей папа. А мама говорила проще: не отрываться от коллектива. Но ни серая пересоленная рыба, ни тушеная капуста, ни разваренные сардельки, которые повариха раскладывала по тарелкам прямо рукой, такими же посарделичьими толстыми красноватыми пальцами, — не шли ни в какое сравнение с обедом, взятым из дома. С *маминим* обедом. Бережно завернутые в прозрачную пленку, принаряженные сверху красивой салфеткой — нежные бутерброды с моцареллой и помидорами, продолговатые изящные пирожки с грибами или аппетитно-круглые — со сладким пшеном и ванилью, оранжеватые булочки с тыквой, ровные квадраты тающих во рту запеканок — с кабачками, с творогом, со сливочным рисом... И на десерт в небольшой круглый контейнер мама резала иногда разноцветный фруктовый салат.

«Мама... Ты же раньше любила меня...» Дашка проглотила последний шоколадно-соленый кусочек, положила опустевшую обертку на пол возле дивана — утром не забыть убрать за собой. Спрятала руку под простыню, которой была укрыта. Холодно. «Мама... Зачем ты сегодня со мной так, за что?!»

И не в еде ведь дело. «Не хлебом единым жив человек», — откуда-то вспомнилось Дашке. Не хлебом, и не омлетом, и не маминой фирменной рыбой по-гречески, с румяной сырной корочкой и блестящими спинками сине-черных маслин. Но папа что-то такое говорил, якобы домашние дела — это служение, а приготовление пищи — проявление любви. А мама кивала полушутя, и светлые кудряшки у маминого лица задорно кивали с ней вместе. «Дорогая, а вот там пирожки треугольные, в синей кастрюльке — это с чем?» Мама смеялась: «С любовью!» — и начинала папу

тормошить-щекотать. Иногда и Дашка, завидев такое прекрасное безобразие, кидалась к ним обниматься, и они втроем дурачились. Мама с Дашкой визжали, а папа улыбался. А позднее все вместе на кухне пили красный чай, самый любимый в семье, со смешным вороньим названием «каркаде», красивым рубиновым цветом и кисловатым вкусом.

Дашка гордилась их кухонными посиделками, воскресными поездками в Эрмитаж, в филармонию, походами на природу, семейными праздниками — всем тем, что они делали вместе. Она знала, что у них идеальная семья.

Треугольные пирожки незыблемо были с яблоками.

«Семейный» чай пили из больших глиняных кружек — в них он долго не остывает, можно смаковать мамину выпечку и болтать обо всем на свете. У мамы с папой кружки одинаковые — коричневые, а у Дашки ярко-желтая. На одной стороне нарисован ежик, в лапах у него гриб. На другой стороне — надпись:

Ежик по лесу идет,
Белый гриб большой несет.
Если дождичек пойдет,
Белый гриб за зонт сойдет.

Эту кружку мама с папой подарили Дашке на день рождения, решив поддержать в ребенке тягу к рифмовкам. Тогда ей исполнилось пять лет, и накануне она сочинила свои первые строчки:

Занавески подниму —
Светлый месяц обниму...

Стихи про ежика с попыткой рифмы «пойдет — сойдет» давно не подходили Дашке ни по возрасту, ни по уровню поэтического мастерства, но каркаде из любимой кружки по-прежнему был самым вкусным.

А однажды — тоже давно, сто лет назад, в пятом классе — Дашка налила любимый чай, прохладный, в бутылочку, взяла с собой в школу. Но крышку закрутила неплотно, и чай пролился в портфель. Больше всего досталось учебнику «Теория» по русскому языку — пропитавшись качественно заваренным каркаде, первые страницы стали нежно-розовыми. По одним и тем же учебникам теории занимались с пятого по девятый класс: в конце каждого года сдавали их

в школьную библиотеку, в сентябре получали обратно. Было удобно, что все правила за пять лет — в одной книжке, все под рукой. Дашка очень переживала — испортила ценный учебник! Но с розовыми страницами стало реально красивее. В библиотеке его приняли без проблем — ничего не заметили, а на следующий год Дашка все присматривалась к одноклассникам, не попала ли кому эта красивая «Теория», но с тех пор ее так и не видела.

Дождь не унимался, в комнате стало совсем зябко. От чужого белья, постеленного на диване, веяло дополнительным холодком — дешево-душистым ароматом кондиционера, псевдоальпийской луговой свежестью. Холодно.

Дашка в который раз заплакала. Вспомнила в подробностях, как они с мамой в тот день спасали учебник. Дашка держала его в руках, открывала нужный разворот, а мама рьяно просушивала страницы феном. Заскучав, нацеливалась на Дашку — жаркая воздушная струя щекотала щеку, и обе они хохотали захлеб. А потом пришел с работы папа, похвалил розовые страницы и сказал про них какое-то умное длинное слово. Что-то типа «это феноменологично». А потом они вместе ужинали. Пили свой фирменный семейный красный чай с печеными вкусоностями.

А в последнее время пирогами пахнет разве что от соседей. Месяц назад папа ушел. Сказал: «Поживу один». Сказал: «Я устал». И ничего толком нельзя было понять. Иногда он звонил Дашке на мобильный, коротко спрашивал, как дела. Пару раз они погуляли в парке — побродили молча по дорожкам, папа оставил Дашке карманных денег. Разговоров как-то не получалось.

Мама перестала готовить совсем. Возвращалась с работы — садилась у телевизора. И смеяться перестала, и светлые кудряшки свои укладывать — просто собирала волосы в депрессивный хвост. Дашка не знала, что с мамой делать. Подходила, молча обнимала. Так и сидели.

А вчера Дашка попросила на ужин рыбу. Запеченную с маслинами и сыром. И зачем-то добавила неуверенно:

— Мам, ты... это... как-то уже в руки себя возьми...

И сама испугалась маминого взгляда в ответ — ледяного, ненавидящего. «Ты что, мам, это же я!» — захотелось крикнуть Дашке. А мама выпалила, как выплюнула, ей в лицо:

— Не нравится со мной — к отцу проваливай!

И добавила тише:

— Только не больно ты ему нужна...

Дашку будто ударили, загорелось в голове ключевое слово: больно! Больно очень даже. А мама повторила:

— Слышишь меня? Я тебе русским языком говорю: не нравится — проваливай.

Дашка вылетела из комнаты, из квартиры — скорей, скорей!.. Хотя куда — не к отцу же, в самом деле?.. Не больно — мама, мамочка, больно же! — она ему нужна. Через три ступеньки вниз... вниз... отсюда подальше... Больно... «Куда на ночь глядя-то?!» — и Дашка уткнулась в зеленый скользкий плащ тети Люды, маминой знакомой из соседнего подъезда, которая как раз возвращалась с работы домой.

— Даша, не спишь? — Тонкая полоска света упала на пол, в приоткрывшуюся дверь заглянула хозяйка, тетя Люда.

Дашка наспех высунула из-под простыни руку, размазала по щекам разъедающие слезные ручейки, мазнула рукой по губам — не в шоколаде ли? Попыталась помотать головой по подушке и улыбнуться — не сплю, мол, и вообще все окей. Тетя Люда не торопясь подошла, оставила дверь приоткрытой — коврик света стал шире. Дашка увидела, что на ней халат в крупную клетку, на голове железные бигуди — Дашкина бабушка носит такие.

— Даш, я у мамы была. Предупредила, что ты у меня заночуешь.

Вот так новости. И когда это тетя Люда успела? Правда, тут идти недалеко совсем.

— Спасибо, — еле слышно пролепетала Дашка. В горле першило не то от шоколада, не то от слез. — Извините, неудобно вышло, вам хлопоты...

— Да какие хлопоты, что ты! — Тетя Люда всплеснула широкими рукавами — в полутьме точь-в-точь волшебная толстая птица. Добавила озабоченно: — Тебе заснуть бы! Валерьяночки дать?

— Да нет, я ничего... Спасибо... — Дашка вторично помотала головой по подушке.

Тетя Люда зорко, по-птичьи, окинула взглядом комнату — все ли в порядке, удобно ли госте. Углядела щель между шторами — взмахнула клетчатой рукой, задернула их поплотнее. Пробормотала себе под нос:

— Одеяло дам.

Полоску света закрыла на секунду большая тень: хозяйка вышла, пошебуршила чем-то в соседней комнате. Вернулась с руликом тяжелого ватного одеяла, легко развернула его, укутала Дашку поверх простыни.

— А то начало сентября — и холодина такая...

Холодина такая, большая и серая, приходила к Дашке во сне. Надвигалась, давила, распадалась на множество дымных теней, и они кривлялись и корчились под дождевой перестук. Прилетала большая птица с металлическим хохолком, прогоняла Холодину, голосом тети Люды пела-повторяла: «Спи-и... Спи-и...»

Дашка и проспала — полдня, до обеда. Хорошо, что выходной, в школу не надо. Дождь так и не кончился, и домой пришлось идти под зонтом, одолженным у хозяйки. Домой? А где отныне у нее дом? Как она после этого станет жить с мамой? Как она вообще станет — жить? Переберется к деду и бабушке? У них крохотная квартирка, налаженный быт. Она поневоле станет мешать. Или вправду ей жить с отцом? Но если он хочет быть — ужасная мысль! — не с ней и не с мамой, а с *другой* женщиной?! Куда идти? Кому она, Дашка, *больно нужна*? Больно...

В коридоре у стены стояли папины ботинки. Дашка живо встрепенулась, мигом поверила: кончился кошмар, ура, слава богу, все станет как раньше! Р-раз — швырнула в угол мокрый зонт, два — сбросила туфли, три — бегом в комнату к родителям, скорее, скорее! На пороге споткнулась обо что-то мягкое, чуть не свалилась. Посмотрела под ноги — и увидела папину дорожную сумку. В ней валялись вперемешку рубашки, книги, какие-то диски... Папа стоял возле раскрытого шкафа, в руках — пара свитеров. Заметил Дашку, шагнул к ней, неуклюже переступив через сумку, чмокнул во влажную от дождя (от дождя?) щеку:

— Привет...

Он по-прежнему держал оба свитера и бестолково, на весу, пытался их сложить — пополам и вчетверо. Получалось совсем криво, и папа в итоге бросил их в сумку так, шерстяным комком. Развел руками, оправдываясь:

— Вещи вот собираю.

И стало понятно, что теперь — точно всё. Финиш. Баста. Финита ля что-то там (не комедия). До этого была надежда: передумает, вернется... Через неделю, через месяц или полгода... Он и вернулся. Забрать вещи. Всё.

Дашка деревянно развернулась и вышла в кухню. На диванчике там сидела мама — бледная, с очень прямой спиной, руки на коленях сцепила в замок. Дашка машинально села рядом, такая же немая и неподвижная.

Очнулась, когда на кухню вошел папа. Из горы посуды на сушилке осторожно вытянул Дашкину кружку с ежиком, полувопросительно посмотрел на жену и дочь.

— Зачем тебе эта кружка? — глухо спросила мама.

— Ну как же... — Папа растерянно улыбнулся, вышло кривовато. — Даша будет ко мне приходить, чай пить...

Мама вскочила. Мама — добрая, веселая, никогда на Дашкиной памяти не скандалившая мама — вскочила с дивана, ударила папу по щеке! И тут же — по руке с чашкой.

Дзинь!

Ярко-желтые осколки на полу. На одном из них, покрупнее, можно различить кусок грибной шляпки.

Мама упала ничком на диван, плечи вздрагивают — кажется, пляшут.

А рыданий не слышно. Или просто Дашка не слышит. В мире словно выключили звук, и воспоминания остались только такие — картинки. Пляшущие плечи. Осколки.

А затем звуки резко включили: щелкнул дверной замок и на лестничной площадке плавно тронулся лифт. Мама, постарушечьи шаркая ногами, подошла к окну, с грохотом его распахнула. Окно выходило во двор — сквозь начинавшую облетать листву хорошо видно было и папину красную машину, и пружинисто шагающего к ней папу: взгляд устремлен вперед, полупустая большая сумка болтается на плече. Машина призывно пиликнула, признав хозяина.

— Закрой окно, — внезапно сказала Дашка.

Мама подняла на нее покрасневшие глаза, удивленно переспросила:

— Что?

— Ничего. Дует. — Дашка сама закрыла окно. — Нам задали много на выходные, пойду заниматься.

На полу валялся неразобраный уже несколько дней пакет с новыми учебниками. Дашка вытряхнула все на стол: совсем тонкий учебник — по алгебре, солидный и пухлый — по литературе, комплект — по русскому: «Развитие речи», «Практика», «Тео...»

«Теория», да. Та самая, с розовыми страницами.

Дашка любовно потянулась к книге, взяла ее в руки. Погладила, будто это был котенок или щенок. Наугад

открыла один из розовых разворотов — достался параграф о чередовании *-e-/-и-* в корнях. Правило было с двумя картинками: на левой — крупными буквами заголовок «соберу» и девочка с пустым лукошком, идущая за грибами. На правой — заголовок «собираю», девочка уселась на грибной поляне, лукошко наполовину полное. Если после корня *-а-* — в корне пишем *-и-* (собираю). Если после корня другая буква — пишем *-е-* (соберу).

«Чайных», розовых, страниц набралось негусто. Окрасились только первые пятнадцать, после них шли стандартные, белые. Дашка полистала учебник еще немного — на этот раз пробежала пальцами по страницам, будто сыграла мажорную пьесу на клавишах бело-розового рояля.

У левого Дашкиного локтя деликатно возник поднос — чашка чая, тарелка с каким-то мелким печеньем. Мама? Мама... Постояла рядом, погладила Дашку по голове. Хотела что-то сказать, но только вздохнула и уткнулась лицом в Дашкины волосы. И выдохнула: «Прости».

Мамина рука была родной и теплой, со знакомым ароматом ванильных духов. Чашка была незнакомая, темно-зеленая, и слегка раздражала. На рубиновой поверхности каркаде плавала красивая звездочка аниса. «Удивительно, но “чайник долго остывает” и “чайник долго не остывает” — это одно и то же», — ни к селу ни к городу вспомнила Дашка расхожую фразу-шутку из интернета.

Открытый урок

Если бы Дашку спросили, кто из ее знакомых настоящий джентльмен, Дашка не задумываясь назвала бы Лёнечку. Он был культурен и элегантен, ходил в белоснежных рубашках и черных костюмах без единой морщинки-складочки, галстук закалывал серебристой булавкой, легко краснел, всегда пропускал даму в дверях и застенчиво улыбался, посверкивая очками в тонкой, почти незаметной оправе. Говорил Лёнечка мало и еле слышно, к любой фразе норовя добавить «пожалуйста» или «спасибо», а точнее, чаще please или thank you, потому что Лёнечка — Леонид Елизарович — преподавал в Дашкином классе английский.

Ученики кроткого Лёнечку не обижали, а уважали. Двоек он никогда не ставил, о программных туманах, индейке в клюквенном соусе и Биг-Бене рассказывал интересно, а не в стиле London is the capital of Great Britain.

После звонка на урок сублинный Лёнечка вставал перед классом, подтянутый и учтиво сияющий — белоснежным воротничком, этикетной улыбкой, стеклышками очков. Робко, но с безупречным произношением говорил:

— Good morning, children.

Великовозрастные children дежурно тянули в ответ свой пресный «мо-онинг» и шумно рассаживались за партами.

Но иногда Лёнечку игнорировали — не специально. Просто он был очень тихий, а девятиклассники — громкие. На перемене ходили по классу, присаживались на крышки парт, что-то обсуждали-галдели — и не слышали иногда учительского приветствия. Тогда невозмутимый Лёнечка самую малость сиял у доски вхолостую, никем не замеченный, после чего вздыхал и повторял «good morning» погромче, и урок начинался уже неминуемо.

В одно такое доброе утро Лёнечка перешел с безупречного английского на свой джентльменский русский и застенчиво объявил:

— Господа, в среду к нам пожалует экспертная комиссия. Прошу вас подготовиться хорошо и держать себя подобающим образом.

Ученики закивали нестройно, а чей-то бойкий голос уточнил:

— Зачем комиссия-то?

— Я имею честь быть участником конкурса педагогических достижений, — объяснил Лёнечка и,

улыбаясь, добавил: — Комиссия прибудет, чтобы оценить мои достижения в деле вашего обучения.

Несмотря на блеклую иронию в Лёначкиной улыбке, было понятно: комиссию он боится.

В среду вслед за Лёначкой в класс прошествовали эксперты — две женщины средних лет и один пожилой мужчина, молчаливые, с какими-то папками в руках. Перемена продолжалась, ученикам велели ждать в коридоре. Через минуту, оставив экспертов одних, в коридор вышел и бледный Лёначка. То и дело поправляя воротничок белоснежной рубашки — похоже, она душила его, — англичанин грустно бродил по коридору туда-сюда. «Здрассте!..», «Здрассте, Леонид Елизарыч!..» — то и дело раздавалось со всех сторон от пробежавших мимо учеников. «Здравствуйте, здравствуйте...» — шелестел в ответ понурый Лёначка, не поднимая глаз, но тут...

Разумянившийся третьеклассник, летевший по коридору, траекторию полета не рассчитал — и с разбега врезался в мягкого Лёначку!

Лёначка покачнулся... развернулся... схватил мальчишку за плечи, тряхнул и раскатисто проревел:

— Куда же ты пр-р-решь, скотина?!

Все, кто был в коридоре, испуганно обернулись. Некоторые еще пару секунд озирались по сторонам, не сумев опознать источник столь грозных звуков — в Лёначке. Щеки его алели, очки сверкали, очи за очками сверкали тоже. Он был великолепен!

Между тем несчастного мальчишку англичанин не выпускал и продолжал трясти как грушу. Вмешаться никто не решался. Жертва готова была зареветь. Но ситуацию спас звонок на урок!

От громкого звона Лёначка опомнился, провел рукой по лицу и шагнул в класс.

Тема урока была Choosing a Career — «Выбор профессии». Успокоившийся Лёначка вызвал отличника Колю Камышова, и тот неожиданно стал рассказывать, что хочет быть космонавтом.

— Work should bring real satisfaction, otherwise our whole life will become dull and monotonous. I am ready to devote all my live to look at the stars and to serve humanity...¹ — вдохновенно фантазировал Камышов на прекрасном английском.

Непонятно было, то ли он у всех на глазах раскрывает душу, то ли паясничает и срывает Лёничке урок.

Дашка слушала Колю вполуха, а сама с удивлением думала, что любой человек, даже скучный отличник или черно-белый джентльмен, — это загадочная Вселенная и ежедневные встречи с ним — как выход в открытый космос...

Страшные вопросы

Дашка панически боится химичку Марью Тарасовну. Глупо в пятнадцать лет перед училкой так трепетать — только Дашка ничего с собой поделать не в состоянии. Дашкин папа называет это «иррациональный страх». Если Марья на уроке вызывает Дашку, сердце у нее колотится, язык немеет и даже простые слова в голове путаются — что уж там говорить о химических формулах!

По вторникам и четвергам в девять утра Дашкин девятый «А» заходит в кабинет химии. Мальчики заученно пропускают девочек, сами плетутся следом. Пронзительно-белый свет с потолка бьет по глазам — по контрасту с мутной осенью за окном. От стеклянной поверхности белой парты мерзнут ладони — экран из стекла защищает казенное дерево от химических реагентов. Дашке очень хочется, чтобы ее защитили тоже — укутали потеплее, отгородили экраном, телепортировали, в конце концов, — из этого страшного кабинета, белого и стеклянного. Он напоминает ей и операционную, и секретную лабораторию, где проводят жуткие опыты, и просто обледеневший зимний лес...

Марья Тарасовна — хозяйка страшного места, «заслуженный учитель», величавая старуха с высоким глянцевым начесом черных волос. Неизменный бордовый маникюр, смуглые старческие руки в пигментных пятнах. Чтобы не запачкать пальцы, свой кусочек мела она заворачивает в бумагу — тонкую, гофрированную. «Здравствуйте, — надтреснутым голосом говорит Марья Тарасовна. — Садитесь...» И начинается Дашкин кошмар.

— О свойствах хлороводородной кислоты расскажет нам... Федорова Дарья!

И Дашка восходит на кафедру как на эшафот. В кабинете химии ведь не просто стоит учительский стол, за которым сразу же на стене висит доска, — там перед доской длинное возвышение, чтобы опыты всем видно было... На это возвышение и ступает бедная Дашка. Стучать мелом по доске гораздо хуже, чем весь урок химические кракозябры писать в тетради!.. На своем месте, за белой стеклянной партией, привычно, хоть и противно. Привычно противно. А когда нос к носу окажешься с собственным отражением в глубине зеленой доски и замаячит наверху уравнение, начерченное мелом... И надо сию минуту решать его, у всех на глазах... И вдобавок писать крупно, разборчиво, как требует Марья,

заново:

— Цэ! О! О!!!

Марья на другом конце кабинета оборачивается, выразительно смотрит на Колю.

— О-о-о... — нарочито зевает Камышов, прикрывая рот ладонью.

За партой в левом ряду подмигивает Дашке лучшая подруга Света Романчук: мол, ничего, прорвемся!.. Подмигивает, но не подсказывает: в химии она тоже не сильна...

$Zn + 2HCl = \dots$ Издевательство какое-то... Дашка волнуется, ее даже подташнивает...

$Zn + HCl = ZnCl + H_2 \dots$

Рука с мелом беспомощно опускается.

— Ну, что? — раздраженно говорит Марья Тарасовна. — Федорова, мы не можем весь урок с тобой возиться! Что получится? Какая соль?

— Хлорид, — отвечает Дашка. — Хлорид цинка...

— И как написать формулу хлорида цинка?

Страшный вопрос. Дашка молчит. Ей совсем не по себе, она ничего не соображает и хочет одного: вернуться за свою стеклянную парту, на которой без нее сиротливо лежат раскрытый учебник и любимая ручка в виде гусиного перышка — больше ни у кого такой нет.

— Хлорид цинка, Дарья, ну?!

И блестящая черная прическа колышется предупреждающе в сторону Коли:

— Камышов! Не смей подсказывать!

... = $ZnCl_2 + H_2$ — не выдержав, дописывает в итоге сама Марья Тарасовна своим элегантным мелком в миниатюрной бумажной юбке.

— С какими металлами, кроме цинка, взаимодействует соляная кислота? — ударяет в Дашку последний страшный вопрос.

Дашка в нокауте.

И вот ее вернули за парту. Она сидит, механически сжимая в правой руке ручку-перышко, а Марья поднимает от журнала блеклые серые глаза и чеканит каждое слово:

— За незнание. Простейших вопросов. И химических формул. Ставлю тебе. Два. — И буднично, без металлических воспитательных интонаций, добавляет: — Свой дневник мне передай...

Дашкин дневничок в цветастой обложке плывет по рядам напрямик к Марье.

«Ничего, успеешь исправить...» — сочувственно шепчет Камышов. Ага, ему-то что... Он все уравнения и задачи решает — на раз! И первые места на городских олимпиадах занимает — и по химии, и по физике, и по математике. Самое обидное, что даже списать у этого горе-вундеркинда нельзя — в сложных задачах решения у него нестандартные, эксклюзив... Да и от камышовского почерка самые закаленные учителя стонут, подолгу его разбирают. Но Колю не ругают, тетради ему проверяют и пятерки ставят: одаренный ребенок!

— Эт-то что такое?!

Дашка вздрагивает, смотрит на Марию Тарасовну. А та всерьез недовольна, замораживает и глазами, и голосом... И опять не по себе Дашке, хотя волноваться больше нет сил.

— Почему. У тебя. В дневнике. Записано. Что меня. Зовут. Ма-р-р-рья?!

Раскатистое «р» замирает в напряженно притихшем классе, и Дашка не понимает, в чем на этот раз виновата. Дневник передают ей обратно, и она видит: Марию угораздило заглянуть на первую страницу, в раздел «Преподаватели», где положено в начале года перечислить все предметы, всех учителей... Напротив «Химия» у Дашки записано «Ермакова Мария Тарасовна». И у одноклассников ее так записано...

— Что. За. Просторечие?! Мария Тарасовна! Меня. Зовут. Мария! — гремит в тишине над головами удивленных учеников: вся школа, вплоть до директора, много лет называет химичку именно Марьей Тарасовной — как-то лучше, складнее звучит.

Мягкий знак в дневнике у Дашки дважды зачеркнут красным, и на месте его пламенеет огромное и, на полстраницы почти — Мария Тарасовна. Маразм! Ну и двойку за сегодняшний урок она Дашке нарисовала «от всей души» — гигантский красный лебедь, невероятно жирный, вылезает из отведенной ему типографской клетки и вверх, и в стороны...

— А Марья-искусница — это в сказках, — тише добавляет химичка, иронично скривив напомаженный бордовый рот.

Урок продолжается...

Дашка вздыхает, грустит. И улетает мыслями далеко-далеко. Белое пластмассовое перо само по себе выводит условие задачи — вслед за мелом, царапающим по доске, в руках очередного страдальца. Дано. Молярная масса. Если взвесить маляра... Та-ра-ра... Ох нет, масса же молярная,

значит, моль... Сколько весит сытая моль... Число Авогадро... А смешная фамилия! Почти авокадо... Как там у Северянина? У него про ананасы, но какая разница... Авокадо в шампанском, авокадо в шампанском, удивительно вкусно, искристо и остро! Дурацкие слова «искристо» и «остро», о чем думал поэт... Весь я в чем-то норвежском! Весь я в чем-то испанском!.. По-испански, кстати, «авокадо» — это адвокат.

— Федорова! Почему не пишешь — ты уже все решила?!

...Я отказываюсь отвечать на ваши вопросы без своего авокадо...

Прозвенел звонок с урока. Дашка подошла к Марье Тарасовне забрать журнал. Носить его из кабинета в кабинет было Дашкиной подневольной обязанностью. «Ты девочка честная, я тебе доверяю», — сказала однажды классная, одарив Дашку этим поручением.

Химичка пролистнула в журнале пару страниц, нахмурила нарисованные черные брови.

— Ты иди, а журнал я принесу. Тут заполнять надо. Какой у вас урок?

— Классный час, в кабинете географии, — прошелестела Дашка. И скользнула скорей на свободу из ненавистного кабинета, и даже нечаянно хлопнула дверь. Не сильно.

Классный руководитель, энергичная молодая красотка Инна Евгеньевна, изо всех сил торопилась и торопила своих подопечных.

— Поживей рассаживаемся, дорогие, поживей! И начинаем скорее — много надо успеть сегодня!

Камышов глянул лениво на свои дорогие наручные часы (не родители богатенькие подарили — сам заработал, выиграл в какой-то международной математической игре), шепнул Дашке: «Перемена еще четыре минуты и семь секунд». Но Инну Евгеньевну было не остановить.

— Так! Пускаю по рядам листочки! — Стопки белых тетрадных четвертинок поплыли с первых парт на последние, постепенно тая. — В верхнем углу — фамилия! Имя не пишете, время экономьте! И укажите, какое поручение вы хотите выполнять!

Всяческие «поручения» были идеей фикс Инны Евгеньевны. Она виртуозно тасовала между учениками нагрузки — как общественные, так и свои собственные, полагавшиеся ей как классному руководителю. На этот раз Инна придумала новую фишку — чтобы каждый сам

назначил себе задание на учебный год. Дашка написала на своем листочке: «Ухаживать за цветами». Цветов в кабинете географии развелось много, и кто-то должен был после уроков регулярно их поливать, протирать листья. Это казалось меньшим из всех зол, да и цветы Дашка любила. Но предчувствовала, что придется ей по-прежнему мотаться с журналом, изо всех сил стараясь не забывать его на подоконниках.

— Так, дорогие, заканчиваем! Листочки передаем! — лихо командовала Инна Евгеньевна. — Важное сообщение: в пятницу к нам в школу приедут финны!

— Зачем? — устало спросил Коля Камышов.

— Перенимать педагогический опыт! И совместный проект у нас будет по экологии. Но это потом... Открыли дневники, записали: в четверг после уроков — генеральная уборка!

Дружное страдальчески-недовольное «у-у-у» прокатилось по классу.

— И не «у-у-у», — передразнила Инна Евгеньевна, — а чтобы в четверг все были как штык! Кровь из носа! Вы же дома убираетесь, когда гостей ждете, верно? — Инна выдержала эффектную паузу (возражать никто не посмел) и переключилась: — Так, что у нас с успеваемостью в начале года... Дарья, где журнал?

— У Марьи Тарасовны, — объяснила Дашка. — Она его заполняет, сама принесет.

— Нет, нам сию секунду надо! Иди поторопи ее! — Дашка в ужасе воззрилась на Инну Евгеньевну. — Кстати, сегодня общие фотографии пришли — заодно ей отдашь. — Инна протянула Дашке традиционное сентябрьское фото их класса, на котором в этом году запечатлелись с учениками и директор, и несколько предметников на память — все-таки девятый класс, в конце года выпускной.

Дашка поплелась к жуткому белому кабинету. По дороге вспоминала, как Инна уговаривала Марию Тарасовну сфотографироваться с их девятым «А». Весь класс, фотограф, директор и другие учителя терпеливо ждали, а Мария отнекивалась: «Не хочу я, и не просите! Не в том возрасте, чтобы фотогеничной быть». Но уговаривать — ничего не скажешь — Инна умеет.

Дашка постучалась, заглянула в кабинет. Мария сидела за учительским столом перед раскрытым журналом, кивнула на него Дашке:

— Можешь забирать, Федорова, я как раз закончила.

Дашка подошла к столу, неуверенно протянула фотографию:

— Это вам...

Марья проворно взяла снимок. Разглядывала его придиричиво, поджимая острые уголки педантично подведенных бордовых губ. А Дашка в это время стояла рядом, не зная, что говорить и куда смотреть. Взгляд упал на идеально ровную нитку пробора в Марьиных волосах. Иссиня-черные по всей длине, у самых корней — буквально на два миллиметра — они были неожиданно белые. «Так она седая... Она седая, просто красится...» — прилетела сама собой внезапная мысль.

Бордовый Марьин ноготь одобрительно постучал по глянцевои поверхности фотографии — в том месте, где смотрело с нее лицо самой Марьи, хронически надменное, без тени улыбки.

— Да я тут просто красотка Мери! — резюмировала она с иронией, но видно было, что Марье и вправду нравится. — Что ты стоишь, Федорова?! Я же сказала тебе — журнал можешь забрать.

К очередному уроку химии Дашка готовилась прилежно и мандражировала особенно сильно: хочешь не хочешь, двойку надо исправить. Но случилось чудо, и даже не одно. Во-первых, в тот день с самого утра выпал снег, хотя был только октябрь. Во-вторых, Марья встретила их какая-то непривычно тихая. Весь урок никого не спрашивала — только рассказывала сама о Менделееве, о его научных путешествиях и творчестве (так и говорила — «творчество»!) и даже упоминала его дочь Любу, ставшую женой Александра Блока. Говорила она интересно, размеренно и даже певуче, иногда бросая взгляд на снежное кружевное мельтешение за окном. А Дашка слушала ее и думала о том, что снег — белый песок...

Мы внутри огромных песочных часов, кто-то перевернул их — и на землю падает белое время. Но заснеженный день не видит, не знает этого — и дремлет, и не торопится никуда... Печально дремлет... день заснеженный... Деревья зябнут от тоски... И льется стон прощальной нежности в седые тихие пески...

А в конце урока, когда все приготовились, по традиции, записать километровое домашнее задание, Марья спросила:

— Кто знает, какой сегодня праздник?

Все замолчали в недоумении, а Дашка тихо сказала:

— Покров.

Марья услышала, приподняла нарисованные брови:

— Что, только Федорова знала? Так вот, в честь праздника... — Тут прозвенел звонок, и она закончила, повысив голос: — В честь праздника я ничего вам не задаю!

Класс довольно загудел, загремел отодвигаемыми стульями.

А через месяц Марья умерла.

Нет, не так, не скоропостижно... Марья легла в больницу на операцию — об этом сказали девятому «А» и вездесущая Инна Евгеньевна, и новая, временная, химичка — длинноносая, долговязая, нескладная и совсем незлая Нонна Сергеевна, к которой мигом прилепилось прозвище Нос. От Инны Евгеньевны класс узнал и о благополучном возвращении Марьи Тарасовны из больницы домой, и о том, что она идет на поправку... А потом Инна внепланово собрала всех на очередной классный час, потребовала абсолютной тишины и внимания.

— Сегодня мы получили трагическое известие!.. — В классе стало действительно тихо, и в этой тишине молодой Иннин голос звенел — скорее задорно, совсем не трагически. — Скончалась Марья Тарасовна Ермакова — прекрасный человек, заслуженный учитель! Я прошу почтить ее память минутой молчания!

Было слышно, как жужжит под потолком то ли непонятно откуда взявшаяся муха, то ли неисправная лампочка, — Дашка не поднимала головы. Класс стоял, класс молчал. Минута истекла.

Инна вздохнула, посмотрела зачем-то вниз — на свои лакированные красные туфли. Чуть заметно качнулась на высоких каблуках, переступила с ноги на ногу. Откашлялась.

— Так... Что у нас с успеваемостью в конце триместра? Дарья, где журнал?

И Дашку послали за журналом — на этот раз в учительскую. В первой комнате, вопреки обыкновению, никого не было, но за стенкой шел разговор, доносились обрывки фраз.

— Надо же, сначала ведь выздоровела...

— Да нет, операция неудачно...

Дашка замерла, невольно прислушалась.

— Так ее же экстренно увезли — было поздно лечить...

— В сознании? Ну да, до конца оставалась...

— В больнице, в последние часы, у дочери спрашивала: «Это всё, да? Это уже всё?»

— Дочь-то была?

— Прилетела, еле успела. Сложные у них были отношения...

— Внуки? Нет, не было...

...Печально дремлет день заснеженный... Деревья зябнут от тоски... И льется стон прощальной нежности в седые тихие пески...

Звенит хрустальный лес на дудочке невыплаканных белых слез...

Сегодня умерла Снегурочка... Ей очень холодно жилось...

Дашка вернулась из школы домой, села за письменный стол — записать стихи про хрустальный лес, начать делать уроки. Но ни рифмованные строчки, ни тем более вопросы задачника не задерживались в голове — там крутилось на разные лады только одно: «Это уже всё, да? Всё уже? Это — всё?» Так и спросила ведь Марья. Как ей, наверное, было страшно!..

Дашка и сама не совсем понимала, что «это» и что «всё», но вопрос вставал перед ней весь день — с листков заветного блокнота в бархатистой обложке, со страниц учебника, из зеркала, из чашки любимого темно-красного чая, из заснеженного законного мира... «Это уже всё, да?» Вопрос был сложнее, чем все формулы и слова вместе взятые.

Дашка зажмуривалась, проводила рукой по глазам.

Над вопросом предстояло подумать.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru